

— Ты что, совсем из ума выжил? Отдать корпорацию ему — тебе кажется, она недостаточно быстро разоряется?

— Как ты разговариваешь с отцом! — в гневе вспыхнул Лу Янхуэй. — Ты сам не хочешь перенимать дело, так мне что, отдать её чужим людям, а не ему?

Лу Пинъянь посмотрел на Лу Янхуэя. Тот был ещё вполне молод, и время передавать бразды правления явно ещё не пришло. Почему же он так спешит?

— Ты болен?

Лу Янхуэй и впрямь был болен: рак на ранней стадии, шансы на излечение ещё оставались.

— Пустяки, просто устал в последнее время. Раз твоя душа к этому не лежит, то корпорация перейдёт к Лу Сяньчжоу, и ты не смеешь вмешиваться!

— Не вмешиваться? — Лу Пинъянь указал на дверь. — Та женщина тебя совсем опоила? Мне твоя корпорация не нужна, пусть хоть сегодня прогорит, но отдавать её Лу Сяньчжоу... Да что он вообще соображает!

— У меня свои планы.

— Планы? Ты придумал их ещё тогда, когда изменял моей матери во время её беременности? В постели их строил?

Раздался звонкий хлопок — Лу Янхуэй замахнулся и дал Лу Пинъяню пощёчину.

— Можешь оскорблять меня, но не смей приплетать мать! Я не позволю тебе осквернять её имя!

Лу Пинъянь насмешливо фыркнул:

— Думаешь, я сам мечтал сюда вернуться? Что ж, желаю твоей корпорации Лу поскорее обанкротиться.

Выйдя из дома семьи Лу, Лу Пинъянь был в скверном расположении духа. Чтобы не напугать Му Шуанланя, он не стал возвращаться сразу домой, а поехал на машине, намереваясь выпить пару бокалов с И Шаном. Однако, остановившись на красный свет, он повернул голову и увидел в кофейне у дороги Му Шуанланя и Лу Сяньчжоу: они о чём-то тихо беседовали, улыбаясь друг другу.

Когда Му Шуанлань вернулся домой, свет в окнах уже горел. Удивившись, почему Лу Пинъянь пришёл так рано, он на ходу начал придумывать оправдание, но не успел и рта открыть, как услышал вопрос:

— Где ты был?

Му Шуанлань и не собирался лгать — всё равно обмануть его не получилось бы. Поэтому он ответил прямо:

— Выходил встретиться с другом.

— Что за друг? Познакомишь меня как-нибудь? — Лу Пинъянь притянул его к себе, усадив на колени, и одной рукой прижал его железу, а другой принялся перебирать его пальцы.

Му Шуанлань нервно заёрзал у него на коленях:

— Почему ты сегодня так много выпил? У тебя плохое настроение? Я могу чем-то помочь?

— Лу Сяньчжоу... Когда ты с ним познакомился?

Му Шуанлань с невозмутимым видом солгал:

— Когда я в первый раз попытался сбежать, господин Лу Сяньчжоу меня спас. Я слышал, что он только что возглавил компанию и ему сейчас очень тяжело, вот и подумал...

— Запрещаю к нему ходить!

— Но ему сейчас нужна...— Нужно? Он спас тебя, и теперь ты обязан ему помогать? — Лу Пинъянь и без того был раздражен, а услышав это, вспыхнул еще сильнее. — Му Шуанлань, есть ли вообще хоть что-то, чего ты не готов отдать другим!

Му Шуанлань от такой выволочки растерялся.

— Я вовсе не...

— Не вовсе? Когда я спас тебя, ты отдал мне всего себя, а теперь что? Если Лу Сяньчжоу попросит, ты и душу свою ему отдашь?!

Му Шуанлань почувствовал, что тот в крайне дурном расположении духа, и потянулся коснуться его лба.

— Не злись, пожалуйста. Я просто хочу отплатить ему добром. Как только я стану ему не нужен, я сразу вернусь, хорошо?

Лу Пинъянь, который до этого момента сдерживался, при этих словах нахмурился еще сильнее. Он схватил со стола пачку фотографий и швырнул их прямо в лицо Му Шуанланю.

— Посмотри сам.

Му Шуанлань, не понимая, что происходит, поднял их и взгляделся. На снимках, сделанных неведомо когда, он и Лу Сяньчжоу с нежностью смотрят друг на друга, улыбаясь, или же он сам прижимается к груди Лу Сяньчжоу — ракурсы были подобраны так, будто они целуются.

— Это не я!

Лу Пинъянь даже включил видеозапись: вот они с Лу Сяньчжоу идут плечом к плечу по территории университета, а в конце Му Шуанлань с улыбкой провожает его взглядом.

— Ладно, допустим, это не ты, допустим, это кто-то подделал фотографии. А что насчет этого видео? Что ты делал в университете, весело болтая с ним? О чем вы говорили сегодня днем в кофейне? Со мной ты не хочешь выходить в свет, а на свидания с Лу Сяньчжоу ходишь охотно, так получается?

Му Шуанлань застыл. Он не понимал, откуда взялись эти фото и видео, и смутно чувствовал, что стал жертвой чьей-то игры. Но эта секундная заминка была воспринята Лу Пинъянем как молчаливое признание.

Внезапно тот схватил его за запястье и потащил в сторону кладовой. Му Шуанланю было больно от крепкой хватки, но он не смел сильно сопротивляться и, спотыкаясь, поплелся следом.

— Господин, господин Лу...

Лу Пинъянь запер дверь, а затем, перерыв все ящики, достал не слишком толстую металлическую цепь. Сделав несколько оборотов, он сковал запястья Му Шуанланя. Тот от страха перед цепями сразу покрылся холодным потом.

— Не запирай меня, господин Лу, умоляю, не надо.

Он слишком долго был заперт в одном помещении с другими омегами, и это было куда страшнее побоев. Му Шуанланя затрясло.

— Прошу тебя, не надо.

Лу Пинъянь не желал ничего слушать. Защелкнув замок, он наклонился и сжал подбородок Му Шуанланя. В темной кладовой едва можно было различить выражение лица напротив.

— Я уже говорил: даже не думай о том, чтобы сбежать. Му Шуанлань в панике затряс головой. Его связанные руки судорожно вцепились в одежду Лу Пинъяня — он до смерти боялся, что тот уйдет.

— Я не пытаюсь сбежать, я не убегу, я буду только с тобой.

— Я тебе не верю, — голос Лу Пинъяня был ровным и холодным. — Сиди смирно, будь послушным, оставайся рядом со мной. Никуда не уходи, просто будь послушным.

Только тогда Му Шуанлань осознал, что Лу Пинъянь далеко не так мягок, как кажется на первый взгляд. В нем скрывалась глубокая паранойя и болезненная тяга к контролю. И это не обязательно было связано с любовью — это была собственническая жажда обладания вещью.

Лучше уничтожить, чем отпустить.

Му Шуанлань до дрожи боялся быть запертым. Пока Лу Пинъянь был рядом, всё еще было терпимо, но стоило тому выйти за дверь, как к горлу подступала тошнота. Тяжелые воспоминания накрывали волной, но он не смел проявлять сильных эмоций, боясь навредить ребенку.

Он уже был уверен: под сердцем у него бьется крошечная жизнь, которой пошел четвертый месяц.

Жизнь, зачатая с Лу Пинъянем.

Му Шуанлань заставил себя успокоиться — любое волнение вызывало всплеск феромонов, что было опасно для ребенка.

Лу Пинъянь пришел в себя лишь через три дня. Развязывая его, он с нежностью поцеловал его запястья, а Му Шуанлань лишь опустил голову, чувствуя горькую обиду, но не виня его.

— Почему не ругаешься, не называешь подонком? Я тогда перебрал с алкоголем, запер тебя, а ты и правда вел себя так покорно, — Лу Пинъянь поднял его на руки и заметил, что за эти дни тот заметно похудел. С ноткой вины в голосе он добавил: — Даже не бунтовал, сидел тихо, пока тебя держали взаперти. Маленькая лиса превратилась в маленького кролика? Совсем отупел от моих рук?

Му Шуанлань пропустил последнюю фразу мимо ушей, закусил губу и произнес:

— Ты успокоишься и сам выпустишь меня.

Лу Пинъянь на мгновение замер.

— Ты меня хорошо знаешь, значит? Ну что ж, даю тебе шанс: скажи, что никуда не уйдешь, и я тебя прощу. Иначе снова запру.

Му Шуанлань отвернулся и упрямо отрезал:

— Мне нужно идти.

Лу Пинъянь нахмурился, опустил его на пол и со злостью бросил:

— Хорошо, выбирай: либо я, либо Лу Сяньчжоу. Если выйдешь за эту дверь, можешь больше не возвращаться!

Му Шуанлань стиснул зубы. Он дал слово. Лу Янхуэй обещал ему новую личность и обещал, что он сможет остаться с Лу Пинъянем. Если бы речь шла только об этом, он мог бы и отказаться.

Но Лу Янхуэй пригрозил: если Му Шуанлань откажется, он не позволит оставить ребенка и даже предаст огласке его настоящее происхождение. Он ни капли не сомневался в том, что Лу Янхуэю это под силу, и не смел рисковать.

Он не хотел, чтобы ребенок пострадал, и уж тем более не хотел, чтобы пострадал Лу Пинъянь.

Он должен был уйти.

Му Шуанлань всё же покинул место, где прожил больше полугода. В полузабытьи он поймал машину и отправился в корпорацию Лу.

На самом деле он и сам не ожидал, что Лу Сяньчжоу ему позвонит. Му Шуанлань всё ломал голову, каким способом Лу Янхуэй собирается внедрить его в корпорацию Лу, но, как говорится, небеса вознаграждают упорных.

Му Шуанлань довольно легко стал помощником Лу Сяньчжоу. Благодаря осторожности в общении и феноменальной памяти он быстро превратился в доверенное лицо босса.

Кризис в корпорации Лу был куда серьезнее, чем просто нехватка финансирования или разрыв денежных потоков. Плотины в тысячу ли разрушает один муравейник, а сколько еще таких муравейников скрывалось внутри — никто не знал.

Лу Сяньчжоу действовал решительно и жестко, не считаясь ни с чьим мнением. Кого хотел — увольнял, с кем хотел — расправлялся. Это на время присмирило многих: не понимая до конца его характера, люди боялись предпринимать открытые действия.

Несколько убыточных филиалов под его строгим контролем неожиданно начали показывать признаки прибыли. Му Шуанлань постепенно проникался искренним восхищением к Лу Сяньчжоу.

Правда, порой, глядя на склонившегося над документами Лу Сяньчжоу, он невольно вспоминал Лу Пинъяня. Тот был полной противоположностью: вместо решительной жесткости — хищная улыбка, от которой холодело в спине.

Интересно, как он выглядит, когда становится серьезным?

Лу Сяньчжоу почувствовал взгляд, поднял глаза и посмотрел на него:

— Чего на меня смотришь?

Му Шуанлань поспешно опустил голову:

— Простите, господин Лу.

— Ничего, — Лу Сяньчжоу снова уткнулся в бумаги и вдруг добавил: — Если хочешь смотреть — смотри открыто.

Му Шуанлань замер. Что это значит?

Лу Сяньчжоу всегда был немногословен, не договаривал до конца, и Му Шуанлань не решился гадать, была ли эта фраза шуткой или чем-то иным, поэтому просто промолчал.

С тех пор каждое утро, когда приходил Лу Сяньчжоу, он приказывал секретарю готовить для Му Шуанланя точно такой же завтрак. Его стали брать с собой повсюду, даже на те встречи, где его присутствие не требовалось.

Лу Сяньчжоу не особенно жаловал омег. Хотя он и не был сторонником дискриминации, но больше ценил в людях альфа-решительность. Однако к Му Шуанланю он всегда относился с одобрением и однажды даже заметил, что если бы все омеги были такими, как он, на них было бы приятно смотреть.

Му Шуанлань чутко уловил: Лу Сяньчжоу к нему явно благоволит.

Живот уже начал слегка округляться, и долго скрывать правду не получится. Нужно было что-то придумать. Хорошего выхода из ситуации придумать не удалось, но тут стряслась другая беда. Лу Сяньчжоу и Му Шуанлань долго бегали вокруг одного проекта, вложили огромные средства, и вдруг поползли слухи, что в этой компании творится страшное беззаконие.

Стоит слухам подтвердиться — и обе корпорации рухнут одновременно.

Лу Сяньчжоу целую неделю пахал без продыху: с трапа самолёта — сразу в машину, ног под собой не чуял. Му Шуанлань видел, как тот осунулся за эти дни, а справиться в одиночку уже не было сил, и от безысходности он пошёл к Лу Пиньяню.

— Господин Лу, вы не могли бы помочь Сяньчжоу? Если он не переживёт этот кризис, конец придёт и ему, и корпорации Лу.

Они не виделись почти три месяца. Лу Пиньянь сидел в том самом клубе, где они встретились впервые, и вокруг него по-прежнему крутились те же люди. Му Шуанлань уже не был столь жалок, как тогда, но сейчас чувствовал себя куда униженнее.

Лу Пиньянь молча смотрел на него. И Шан сообразил, что им, видимо, нужно поговорить наедине, и уже собирался разогнать остальных, но Лу Пиньянь его остановил:

— Не нужно.

И Шан замялся:

— Вы тут о делах, так мы...

Лу Пиньянь закинул ногу на ногу и произнёс:

— То, о чём хочет поговорить господин Му, вряд ли требует секретности.

Сердце Му Шуанланя пронзила острая боль. Он ведь так безумно скучал по Лу Пинъяню! И пришёл сегодня вовсе не ради одного лишь Лу Сяньчжоу — в куда большей степени он шёл за самим собой.

Им двигало эгоистичное желание увидеть Лу Пинъяня, он так невыносимо тосковал, тем более что ребёнок под сердцем, оставшись без успокаивающего феромона второго отца, капризничал, из-за чего он часто не мог сомкнуть глаз.

— Господин Лу, — голос Му Шуанланя звучал до слёз обиженно, с едва сдерживаемыми рыданиями в голосе. Это прямо кольнуло Лу Пинъяня в самое сердце, едва не заставив его выдать себя.

— Ты хочешь, чтобы я помог Сяньчжоу, а что ты можешь предложить взамен? Я убыточных сделок не веду.

Му Шуанлань знал, что тот всё ещё затаил на него обиду. Он подошёл ближе и, испытывая всё то же горькое сопротивление, как и при первой встрече, всё же опустился на колени, склонив голову.

Лучше бы он этого не делал. От этого зрелища в груди Лу Пинъяня вскипела ярость, и он рыком схватил его за запястье:

— Ты ради него готов унижаться до такой степени?!

Му Шуанлань покачал головой:

— Нет, не так...

Лу Пинъяню ещё никогда не казалась столь дешёвой и оскорбительной эта покорность Му Шуанланя. Холодно бросив взгляд, он процедил:

— Ладно, я помогу. Но после этого чтобы духу твоего здесь не было, и чтобы я больше никогда не видел тебя перед глазами. Запомнил?

Му Шуанлань остолбенел. Перед ним встал тяжёлый выбор: не помочь Лу Сяньчжоу — и корпорация Лу погибла; помочь Лу Сяньчжоу — и их отношениям с Лу Пинъянем конец.

Этот проект продвигал он сам, и если он откажется помочь, то собственноручно разрушит жизнь Лу Сяньчжоу.

Но и терять Лу Пинъяня Му Шуанлань тоже не хотел. В душе он отчаянно вопрошал: почему судьба вечно заставляет его делать выбор в таких тупиковых условиях? Неужели он не может жить так, чтобы никому не причинять вреда?!

— Простите, я... поищу другой выход, — с трудом поднявшись на ноги — его тело сейчас было уже тяжеловато, — Му Шуанлань тихо проговорил: — Простите, что побеспокоил. Больше это не повторится.

Му Шуанлань по-прежнему был тощ и хрупок, ничуть не изменившись с того дня, как Лу Пинъянь подобрал его на улице. Лу Пинъянь ожесточил сердце, думая про себя: пусть он лишь попросит ещё раз, и он его простит.

Му Шуанлань даже не оглянулся.

Лу Пинъянь залпом осушил бокал и швырнул его об пол вдребезги.

Хотя компания была огромной, людей, способных реально помочь, оказалось слишком мало — иначе Му Шуанлань никогда бы не пошёл к Лу Пинъяню. Он метался в мыле, готовый буквально ночевать на работе, но при этом страшно переживал за ребёнка.

Каждый день он мог лишь пытаться чуть-чуть источать феромоны, не вредящие окружающим, чтобы успокоить малыша, и тихонько уговаривал его:

— Малыш, води себя хорошо. Вот родишься, папа zalюбит тебя вдвойне, а сейчас давай не капризничай, ладно? Выберется момент, и я отвезу тебя к другому папе, пусть он тоже тебя хорошенько побалуует.

Вообще-то ребёнок вёл себя очень послушно, бунтуя лишь тогда, когда Му Шуанлань слишком сильно уставал.

Добиться помощи от людей Лу Пинъяня не удалось, и Му Шуанланю пришлось действовать самостоятельно. По указанному адресу он прибыл на место, но нужного человека не встретил — зато столкнулся с Ху Ляном!

— Ого, гляньте-ка, кто это у нас тут за пташка?

Несколько человек дружно захохотали. У Му Шуанланя от страха отнялись ноги, инстинктивно он бросился бежать, но его тело уже не обладало прежней проворством — стоило сделать всего пару шагов, как его схватили.

— Не подходите! — свирепо зыркнул на них Му Шуанлань.

— Не подходить? А вот я как раз подойду! Ах ты ж мать твою, посмел сбежать у меня перед носом! Почти год прятался, знаешь, как я тебя искал?!

У Му Шуанланя по спине пробежал холодок. Понимая, что этот человек его не пощадит, он заставил себя успокоиться и напускным хладнокровием произнёс:

— То, что тебе нужно, я могу отдать, но говорить я буду только с господином Мином.

— Ты думаешь, твоя честь позволяет тебе видеться с господином Мином? Спешу тебя огорчить, мы эту вещь уже давно сами нашли. Из-за тебя мне чуть ногу не сломали, так что советую не сопротивляться — я тебя в покое не оставлю.

С этими словами Ху Лян кивнул подручным, и двое молодчиков заломили Му Шуанланю руки. Ху Лян стал медленно приближаться, бесцеремонно выпуская свои феромоны.

Сейчас Му Шуанлань был в положении, и чувствительность к чужим альфа-феромонам у него возросла в десятки раз. К тому же он уже носил чужую метку, и против неё взбунтовались как его собственное тело, так и инстинкты ребёнка.

Малыш пришёл в страшное волнение, и от схваткообразной боли внизу живота Му Шуанланя прошиб холодный пот, его замутили приступы физиологической тошноты. Ху Лян грубо вцепился ему в железу на загривке, кривясь в злорадной ухмылке:

— Мордашка у тебя и правда смазливая. Знал бы — сожрал тебя раньше, а не ждал до сегодняшнего дня, пока ты отратишь такие острые клыки.

Му Шуанлань смертельно испугался. Ещё никогда в жизни он не склонял голову перед Ху Ляном, даже когда его избивали до полусмерти, но сейчас, сломленный болью, он взмолился сквозь слёзы:

— Умоляю, не надо...

Ху Лян прижался губами к его шее:

— Тебе не надо, а мне хочется. Хочу, чтобы ты до конца дней своих носил мою метку.

Му Шуанлань безумно мотал головой, отчаянно вопя и моля о пощаде, но тело уже откликалось на чужой альфа-зов. Ху Лян впился зубами прямо в железу, прокусывая кожу и впрыскивая феромоны.

Чужой яд хлынул внутрь, и малыш в животе забился так бешено, словно его начали хлестать плёткой. От невыносимой боли у Му Шуанланя в глазах потемнело, губы задрожали, а отчаянные попытки вырваться сменились жалкой слабостью.

Его железа была растерзана в клочья, почти пережжена.

Он уже не чувствовал там боли, зато явственно ощутил признаки начинающегося выкидывающегося процесса. Забыв про изувеченную шею, он изо всех сил прижался руками к животу: нет, нельзя допустить, чтобы этот ребёнок погиб! Это всё, что у него осталось — сокровище, подаренное Лу Пинъянем.

Нельзя его потерять!

Хоть кто-нибудь, спасите его!

Выкрикнуть имя Лу Пинъяня он не смел. В самую последнюю секунду перед тем, как провалиться в темноту, он увидел бегущего к нему человека с искаженным от ярости лицом — казалось, тот готов был убивать.

— Господин Лу, спасите меня...

Му Шуанлань очнулся в больничной палате. Живот по-прежнему ныл, в вену была вотвлена игла капельницы. Лу Сяньчжоу куда-то исчез, а у изголовья кровати стоял Лу Пинъянь и мрачно смотрел на него сверху вниз.

— Господин Лу, — голос Му Шуанланя осип, и стоило ему открыть рот, как на лбу снова выступил холодный пот.

Лу Пинъянь молча смотрел на него:

— У тебя в животе ребёнок.

Тело Му Шуанланя окаменело. Он не стал ни отрицать, ни подтверждать — лишь опустил глаза и замолчал.

Эта его реакция лишь подлила масла в огонь ярости Лу Пинъяня, но тот сдержался, наклонился, взял его за свободную от капельницы руку и произнёс:

— Маленький лис, послушай меня. Избавься от этого ребёнка.

Му Шуанлань отреагировал с диким ужасом:

— Нет!

Лу Пинъянь придавил его плечо:

— Не дури.

Судя по размерам живота, ребёнок вполне мог оказаться от Лу Сяньчжоу, хотя чужая метка способна перебить прежнюю. В больницу же его привезли сегодня как раз потому, что его едва не переметили заново.

Лу Пинъянь с трудом подавлял желание придушить Му Шуанланя, стараясь гнать от себя мысли о том, чей это вообще ребёнок. Но избавиться от плода нужно было немедленно: если оставить всё как есть, Му Шуанлань почти наверняка погибнет.

— Потом у тебя ещё будут дети, а этого нужно убрать.

Му Шуанлань выдавил из себя хриплым шепотом:

— У него уже есть ручки и ножки, это живой человечек!

Лу Пинъянь отрезал жестко:

— У тебя будет ещё много детей. Избавься от этого.

Му Шуанлань зажмурился, и по его щекам покатились слёзы.

Этот ребёнок был единственным оплотом, единственной вещью, оставленной ему Лу Пинъянем. Прожив столько времени, он наконец прозрел: даже выполни он все условия, Лу Янхуэй вовсе не обязательно сдержал бы слово.

Тогда он был слишком наивен и поверил им.

Теперь же единственной гарантией безопасности было оставаться рядом с Лу Сяньчжоу: пока Лу Янхуэй не добился своего, он не тронет ни его, ни его малыша.

Положение было хуже некуда. К тому же, стоило сейчас избавиться от ребёнка, и Лу Пинъянь больше никогда не подарит ему нового — рисковать он не смел. Даже ценой собственной жизни он защитит этого малыша.

— Господин Лу, я умоляю вас... Разрешите мне оставить его, пожалуйста! Мне ничего больше не нужно, все вещи, что вы мне покупали, я верну! Я больше не появлюсь перед вами и не стану мешать! Я сама выращу этого ребёнка, я умоляю, не отнимайте его у меня!

Лу Пинъянь покачал головой:

— Не упрямься.

Желая во что бы то ни стало отстоять ребёнка, Му Шуанлань отважился на жестокую ложь:

— Этот ребёнок от Лу Сяньчжоу! И даже если избавляться от него — нужно сначала спросить его мнения, вы не имеете права решать в одиночку!

Лицо Лу Пинъяня побелело так, словно его ударили обухом по голове. Му Шуанлань же от боли едва снова не потерял сознание — ему так хотелось уткнуться в объятия Лу Пинъяня, ища утешения, чтобы тот успокоил их с ребёнком своими феромонами.

Но взгляд, которым Лу Пинъянь одарил его, был леденящим. Ему было так невыносимо больно — и физически, и в душе, болело абсолютно всё.

Он так ждал от Лу Пинъяня хоть единого ласкового слова, пусть даже самого простого, а тот с порога потребовал убить ребёнка, отнимая у него последнюю надежду.

Му Шуанлань изо всех сил сдерживал рвущиеся наружу слёзы.

— Ладно. Хорошо, — дважды повторил Лу Пинъянь, развернулся и вышел из палаты.

<http://bllate.org/book/21169/2144717>